

ЭЛИЗАБЕТ РЕВОЛЬ

ЖИТЬ!
МОЯ ТРАГЕДИЯ
НА НАНГАПАРБАТ

ОГИЗ

Издательство АСТ
Москва

УДК 796.529:929(44)

ББК 75.82

Р32

Élisabeth Revol

VIVRE

Ma tragédie au Nanga Parbat

Печатается с разрешения Editions Flammarion

Револь, Элизабет

Р32 Жить! Моя трагедия на Нангапарбат / Э.Револь; пер. с франц. М.Ю. Рожновой. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 288 с. : — (Рожденные выжить).

ISBN 978-5-17-127432-0 ООО «Издательство АСТ»

ISBN : 978-2-0814-7909-8 (франц.)

25 января 2018 года 37-летняя француженка Элизабет Револь поднялась на гору Нангапарбат в Пакистане и вошла в историю альпинизма как вторая женщина, сумевшая совершить зимнее восхождение на восьмьтысячник в Гималаях. Подъем она совершала со своим товарищем — польским альпинистом Томашем Мацкевичем. Но эйфория победы была недолгой. Едва достигнув вершины, триумф превратился в кошмар. Элизабет пришлось принять самое тяжелое и трагическое решение в своей жизни.

Это предельно откровенный дневник смелой альпинистки, готовой в любой момент бросить вызов суровому гималайскому гиганту. Исповедь удивительно смелой и стойкой женщины, полная оптимизма, искренней дружбы, воли к жизни и огромной любви к суровым горным вершинам.

УДК 796.529:929(44)

ББК 75.82

ISBN 978-5-17-127432-0
ООО «Издательство АСТ»
ISBN : 978-2-0814-7909-8
(франц.)

© Editions Flammarion, Paris,
2019 (Arthaud)
© ООО «Издательство АСТ»,
перевод на русский язык, 2020

23 МАЯ 2019, 10:50

Эверест, вершина! Потрясающий вид, эмоции бьют через край. Как здесь красиво! Настоящий подарок неба — оказаться на вершине самой высокой горы на Земле, окруженной ледяными пиками — ее часовыми! Наконец-то я осуществила свою детскую мечту. Я живу и возрождаюсь.

После возвращения с Нангапарбат в феврале 2018 года я всей душой прикипела к этому проекту. Мысль об Эвересте «держала» меня. Этот проект сохранил мне жизнь, несмотря на то что я то и дело проваливалась в черные пропасти отчаяния.

Я провела два дня в госпитале в Исламабаде и вернулась во Францию 30 января 2018 года. Потом была еще неделя в отделении интенсивной терапии в больнице города Салланш, которую осаждали журналисты. И только 7 февраля, во время пресс-конференции в Шамони, я вдруг осознала, вернее, допустила мысль о том, что надежды на спасение Томека¹, в связке с которым мы совершали восхождение, больше нет. Во время этой пресс-конференции, почти без сил, переживая страшное потрясение, я пыталась отвечать на вопросы. Потом я вернулась домой, в Дром². Наконец-то. Врачи объявили шестинедельный перерыв в лечении моих обмороженных рук и ног, потом должен был начаться следующий этап.

Пока я выздоравливала, меня посетил один из моих спонсоров — Филипп Рей-Горрез, основатель и управляющий компании *TeamWork Voile et Montagne*. Он спросил, чем бы я хотела

¹ Томаш Мацкевич. Здесь и далее — примечания переводчика.

² Дром (La Drôme) — департамент на юго-востоке Франции.

заняться. Я ответила, что в детстве каждый вечер смотрела на постер с фотографией Эвереста, который висел в моей комнате, и мечтала. Это была моя первая мечта, путеводная звезда будущей страсти. В мае 2017 года я провела два удивительных месяца в Гималаях, среди высочайших гор нашей планеты. Я была на Макалу, взбиралась на Лхоцзе, бросила вызов Эвересту — в одиночку, без дополнительного кислорода. Мое сердце опьяняла радость от того, что я могу исследовать склоны этой горы! Но, когда я поднялась на 8400–8500 метров, метель и сильный холод заставили меня отступить. Вернуться сюда еще раз было очень дорого, шансов, что моя мечта осуществится, почти не было. «В тот день, когда ты решишь вернуться на Эверест, — сказал мне Филипп Рей-Горрез, — я буду здесь, чтобы помочь тебе. Ты можешь покорять эту гору без дополнительного кислорода, но со страховкой: рядом пойдет человек, у которого будет кислород. На всякий случай». Я почувствовала теплое дыхание жизни, которая разжала руку, все это время

сжимавшую мое сердце, словно камень. Услышав слова Филиппа, я на мгновение перенеслась на ледопад, увидела свою палатку в Четвертом лагере, залитую светом луны — полной, прекрасной, окруженной сверкающими звездами. Я увидела себя на Ступени Хиллари, задыхающуюся, едва бредущую, но переполненную эмоциями. Встреча с Эверестом все еще оставалась призрачным, неверным, неясным будущим, но *возможность* засияла, освещая бездну, в которой я находилась. Впервые после возвращения во Францию я увидела луч света.

Мысль об Эвересте заставляла меня цепляться за жизнь, я думала об этом проекте целый год. Я сразу рассказала о нем Жан-Кристофу, моему мужу, и Людовику Джамбьязи, моему лучшему другу и «штурману». Я сказала им, что единственный проект, который все еще дорог моему сердцу, отданному Гималаям, — это Эверест. Я думала о нем каждый раз, когда земля уходила у меня из-под ног, когда я снова погружалась в бездну вины и горьких воспоминаний.

Год спустя, в апреле 2019 года, я отправилась покорять новые высоты в край разреженного воздуха, который манит меня с тех пор, как в 2008 году я увидела ледник Балторо в Пакистане. Собирая рюкзак, я испытывала противоречивые чувства. Меня переполняли радость, ощущение свободы, ожидание реванша — возможности отыгаться за предыдущий год, уверенность — сейчас или никогда! Но я также чувствовала сомнения и страх — справлюсь ли я, выдержат ли мои обмороженные руки и ноги холод, смогу ли я снова бросить вызов высоте, устраиваться на ночлег на склоне горы, вспоминая дорогих мне людей, которые оказали большое влияние на мою жизнь и так рано ушли?

У меня настоящая горная аддикция. Спускаясь с Нангапарбат, я вдруг поняла это. Уже в 2009 году, возвращаясь на Аннапурну, я пережила ужасный период переосмысления и сомнений. Когда вылетаешь из игры, начинаешь задавать себе вопросы о той непреодолимой тяге, которая постоянно гонит тебя наверх, и осознаешь, что стал зависим.

Я подцепила вирус скалолазания, когда мне было двадцать лет. У меня развилась «горная булимия». Когда мне было десять, я прошла в Альпах большинство маршрутов и склонов. Хотела, чтобы было трудно, искала возможность проявить себя. Усилие, подъем, волнение, стресс, вопросы, которые задаешь себе, и, наконец, ощущение полноты жизни — я снова и снова наслаждалась этим коктейлем, каждый раз чуть больше. Когда в 2007 году в моей жизни появились Гималаи, передо мной открылся мир, который можно было бесконечно исследовать: подниматься на новые вершины, узнавать, на что я способна, испытывать себя на прочность на огромной высоте.

Там, наверху, мне было очень тяжело, почти невыносимо, но притяжение гор всегда оказывалось сильнее. Трудно объяснить и трудно понять, но это то, без чего я не могу обойтись. Та среда, в которой я живу уже больше десяти лет.

Возможно, экспедиция на Эверест, в которую я отправляюсь сейчас, позволит закрыть данную главу моей жизни. Поставить точку

в этой истории. Победить страсть, которая заставляет меня чувствовать жизнь острее и в то же время становится всепоглощающей, маниакальной, застилает все остальное так, что иногда я не могу с ней совладать.

Сначала я планировала вернуться в Диамирское ущелье, к Нангапарбат. Ради Томека и чтобы примириться со своими воспоминаниями. Но после того как в марте 2019 года на склонах этой горы погибли Даниэле Нарди и Том Баллард, я решила туда больше не возвращаться. Та трагедия потрясла меня, парализовала. Нангапарбат снова настиг меня. Даниэле был моим близким другом, он очень много сделал, чтобы спасти нас с Томеком, а год спустя я оказалась по другую сторону: круглосуточно была на связи с пакистанскими спасателями, которым пыталась помочь своими знаниями о маршруте к ребру Маммери. Мне оставалось только ждать, чувствуя бессилие, — так же в 2018 году Даниэле, не отлучаясь от компьютера, не выпуская из рук телефон, сидел, чтобы помочь мне. Но все мои усилия оказались тщетными.

Переживая горе, я снова вернулась к тому, что произошло с Томеком и со мной в 2018 году во время спуска с Нангапарбат, и кое-что осознала. Любая драма, которая разыгрывается в горах, притягивает интерес средств массовой информации и определенной части публики, которая превращает это в онлайн-шоу в социальных сетях. Кроме того, существует разница между тем, что видно со стороны, и тем, что происходит на самом деле; сиюминутные выводы аналитиков, каждый из которых высказывает свою точку зрения, отстаивает свой взгляд; оскорбления и клевета, которые соцсети разносят, повергая семьи погибших в еще большее смятение; слухи, из которых делаются поспешные выводы. Но кто *на самом деле* знает, каково там, на склоне горы? Кто был там?

Тем не менее, новая трагедия не разрушила моей мечты об Эвересте. Экспедиция, в которую я сейчас отправляюсь, по всем параметрам далека от моих обычных восхождений, но в этом году я отказалась от большинства своих стандартов. На время забуду о покорении Гималаев

и отправлюсь на встречу с неизведанным. Я также не буду испытывать себя на прочность. На этот раз я ищу на Эвересте нечто совсем иное, глубоко личное. Обычный маршрут отлично мне подойдет, я не хочу рисковать. И совсем не хочу подвергать новым испытаниям Жан-Кристофа. Может быть, я слишком много взяла на себя тогда. Катастрофа, гибель Томека жестоко напомнили мне о том, какой хрупкой бывает жизнь.

Я отправляюсь на Эверест со спокойной душой, в этот раз мне нужно совсем другое. Я пока не могу идти с кем-то в связке и особенно брать на себя ответственность за другого человека.

После того как я написала о том, что случилось с нами на Нангапарбат, я чувствую удивительную легкость. Я своими словами рассказала о пути, который мы прошли, о том, во что верили и как боролись. А еще о том, что не попало в прессу, но тоже было частью нашего восхождения. Я должна была сделать это ради Томека.

25 ЯНВАРЯ 2018 ГОДА

**НАНГАПАРБАТ (ПАКИСТАН),
ЧЕТВЕРТЫЙ ЛАГЕРЬ**

На рассвете верх ребра Мазено сверкает под ослепительным солнцем. Свет словно поднимается из бездны. Пейзаж выступает из мрака, серое небо становится голубым. День обещает быть прекрасным. Наконец-то! Целых три недели плохая погода удерживала нас в Кутгали на высоте 3800 метров. Скорость ураганных ветров на Нангапарбат не опускалась ниже 70–80 км/час на высоте 6500 метров. Выше бушевала буря, там скорость ветра достигала

150 км/час. Но сегодня после долгого ожидания мы сможем отправиться к вершине!

Мы продвигаемся вперед, один за другим. Медленно, размеренным шагом. Я люблю такие моменты. Можно включить автопилот, освободить голову. Сорок пять дней назад мы приземлились в Исламабаде, месяц, как мы в Гималаях, находимся у подножия девятой из самых высоких вершин мира (8125 метров). Ее название переводится как «голая гора». Иногда еще ее называют Диамир, «властелин гор». Или «горубийца», потому что на ее склонах погибло более тридцати альпинистов, пока австриец Герман Буль не поднялся на ее вершину в 1953 году.

Томек в седьмой раз попытается совершить восхождение на Нангапарбат, я — в четвертый, и это третья наша совместная попытка: зимой 2015 года мы поднялись на 7800 метров, в 2016 году — на 7500. Но оба раза плохая погода заставила нас отступить. В то утро, незадолго до 6 часов утра, я отправила из Четвертого лагеря сообщение Жан-Кристофу. Свой спутниковый телефон «Турайя» (Thuraya) я оставила в базо-

вом лагере, потому что у нас не было генератора, чтобы заряжать его, хотя мы договаривались о генераторе с нашим агентом Али. Так что я использовала функцию «Сообщения» в моем коммуникаторе и GPS-навигаторе «ИнРич» (inReach). Сообщения получаются краткими и требуют некоторых усилий при расшифровке: максимум 160 символов: «Все норм сгдн планируем к-ч если погода будет ок если нет спуск». Мы также обменялись метеосводками с моим большим другом Людовиком, который из Гапы, где он живет, выполнял функции нашего штурмана. Ему помогала жена Томека Анна.

Мы с Томеком выдвинулись в путь только в 7:30. Немного задержались, потому что он никак не мог согреть ноги. Перед выходом на маршрут — это самое главное. Мы использовали горелку, чтобы растопить лед на его ботинках, прогреть вкладыши в них и гамаши. Пока он надевал все это на одну ногу, я грела второй комплект. Это было долго и малоэффективно. Из-за потоотделения и экстремально низкой температуры сохранять обувь сухой было

трудно: она промерзала и снаружи, и внутри. Даже при ходьбе было трудно согреться. Том дорого заплатил за попытку покорить Нангапарбат в 2015 году — он обморозил ноги. Так что в этом году нашим лейтмотивом стала забота о том, чтобы сохранить обувь сухой. Мы брали с собой в спальники вкладыши в ботинки, чтобы за ночь они высыхали и оставались теплыми. В Исламабаде нам пришла в голову идея обернуть стопы фольгой, чтобы сохранять тепло на высоте сверх 5800 метров. В тот день мы с Томеком решили опробовать эту идею. Я отошла от правила: никаких непроверенных затей в день покорения вершины, и пожалела об этом, как только мы выбрались из трещины, где находился наш бивак. Вместо того чтобы защищать пальцы на ногах, фольга их морозила. Что ж, тем хуже, мы уже вышли, а значит, продолжим. Если будет слишком холодно, потом сниму фольгу. Том не жаловался — наверное, у него все было в порядке.

Мы оставили все свои вещи в Четвертом лагере, на высоте 7300 метров, в расщелине,